

Александр Блок

О современной критике

Александр Александрович Блок О современной критике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3259935

Аннотация

«Печальные мысли о состоянии современной литературы приходят в голову очень многим. Едва ли для кого-нибудь составляет секрет то обстоятельство, что мы переживаем кризис. Обольщаться и провозглашать то или иное произведение гениальным приходит в голову только желторотым птенцам нашей критики. С критикой дело обстоит также неблагоприятно...»

Александр Александрович Блок О современной критике

Печальные мысли о состоянии современной литературы приходят в голову очень многим. Едва ли для кого-нибудь составляет секрет то обстоятельство, что мы переживаем кризис. Обольщаться и провозглашать то или иное произведение гениальным приходит в голову только желторотым птенцам нашей критики. С критикой дело обстоит также неблагоприятно.

Удел ее – брюзжать, что-то зачем-то признавать и что-то зачем-то отвергать – очень часто случайно, без всякой почвы под ногами и без всякой литературной перспективы. Вследствие этого получается явление очень нежелательное – критика с предвзятых точек зрения, с точек зрения принадлежности писателя к тому или иному лагерю. Приведу примеры. Вот уже год как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера – отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью, и можно было бы поставить ему в упрек один специальный вопрос, которым он занимался: «бальмонтковский вопрос»; но так давно в «Весах» специальностью Чуковского было развенчивание

Бальмонта как переводчика Шелли и Уитмана; я не имею никаких данных для того, чтобы сомневаться в верности филологических изысканий и сличений текстов, которые были предприняты Чуковским; для меня существует только один неоспоримый факт: небольшая статья Бальмонта об Уитмане и несколько переводов, помещенных им в той же статье («Весы» – июль 1904 г.), запоминаются очень ярко – гораздо ярче, чем многие переводы и статьи самого Чуковского об Уитмане (все не решаюсь повторить имени: Бальмонт пишет «Уольт», Чуковский долго спорил, что надо произносить «Уот», а Вячеслав Иванов, наперекор всем, пишет «Уолт»). Допускаю, что и переводы Чуковского ближе к подлиннику, чем переводы Бальмонта, допускаю, что и облик Уитмана Чуковский передает вернее, чем Бальмонт, но факт остается фактом: переводы Бальмонта (хотя бы и далекие) сделаны поэтом, облик Уитмана, хотя бы и придуманный, придуман поэтом; если это и обман – то «обман возвышающий», а изыскания и переводы Чуковского склоняются к «низким истинам».

Но вопрос об Уитмане – вопрос частный. Я хотел сказать только о критике Чуковского и притом только то, что эта талантливая критика не имеет под собой почвы; так, например: почему г. Чуковский так усердно разносил «Жизнь Человека» и вслед за тем так превознес «Иуду Искарюта» и других, в котором увидел почему-то «мироборчество», и, кстати, по этому поводу разругал «богоборчество» (см. «Речь», N 147).

Не говоря уже о случайности этого «мироборчества», – разве может быть, чтобы один и тот же писатель, находясь в одном и том же периоде своего развития, и в очень короткий промежуток времени, мог написать произведение чрезвычайное и произведение из рук вон плохое? Что-то здесь не так; лучше уж быть последовательным до конца, называть Андреева «величайшим хвастуном в России», как сделал это внезапно и, надеюсь, случайно глубокоуважаемый В. В. Розанов (в июльском «Новом Времени»), основываясь на тех же нелепых знаньевских бланках (о праве собственности и г. Ладыженском), на которых основывался недавно и сам г. Чуковский. Но бланки – бланками, они налепляются одинаково на Горького и Андреева, Чирикова и Скитальца, скоро, пожалуй, будут налепляться и на Евреинова: а Горький или Андреев – при чем тут? Вот у Чуковского есть тенденция – ухватиться за «бланк» или за какую-нибудь одну мысль. Для него это – хвост, за который он тащит всех писателей, потом бросит этот хвост и ухватится за другой; Андреева вытащил за хвост «мироборчества», а в ненавистные критику «богоборцы» попали тут же Городецкий, Вяч. Иванов, Зиновьева-Аннибал и Осип Дымов. Потом потянул за хвост «короткомыслия» («Речь», N 170) и «вытянул» Айхенвальда и Анненского. Потом заговорил о «мозаичности» в русской литературе, о гибели фанатизма («Речь», N 177) и перечислил большевиков, «Ниву», «Русское Знамя», «Русское Богатство», Рукавишникова, Меньшикова, Розанова, П. Я. . .

Это ли не «мозаика»? Мне кажется, у самого г. Чуковского нет одной «длинной фанатической мысли», и потому он всех тянет за разные хвосты и совсем не хочет постараться объединить литературные явления так или иначе, найти двигательный нерв современной литературы. А впрочем, едва ли у кого-нибудь из нас есть действительно твердая почва под ногами, настолько, например, твердая, как у Буренина.

Чуковский – пример беспочвенной критики. Примером критики с предвзятой точки зрения может служить статья С. Городецкого во второй книжке «Факелов» («На светлом пути»). Высоко ценя поэзию Городецкого, я никак не могу разделять его знаменитого доказательства того, что всякий поэт – неминуемо мистический анархист («потому что как же иначе?»). И можно ли судить и говорить о явлении такой громадной цельности, как творчество Ф. Сологуба, с точки зрения такой отчаянной путаницы, как «мистический анархизм»? Путного из этого ничего не может выйти. Я привел только два случайных примера, но ведь русская критика и в целом – слаба, противоречива и страдает отсутствием пафоса. Явный признак того, что мы переживаем критическую эпоху. Но разве эти признаки поддаются учету? Все старое расползается по швам.

Одно из очень характерных явлений нашей эпохи – «встреча» «реалистов» и «символистов». Встреча холодная, вечерняя, взаимное полупризнание, точно Монтекки и Капулетти, примирившиеся слишком поздно, когда уже не ста-

ло Ромео и Джульетты. Конечно, юные и полные сил враги не так мирятся и не так старчески жмут друг другу руки. Но, если это теперь так, то, может быть, потом будет иначе.

Реалисты тянутся к символизму, потому что они стосковались на равнинах русской действительности и жаждут тайны и красоты.

Едва ли кто-нибудь из них признается явно, но втайне, как мне кажется, многие из них хотят обрести почву, найти огонь для своей еле теплящейся души, которая еще в предшественниках их сгорела до тла.

Символисты идут к реализму, потому что им опостылел спертый воздух «келий» им хочется вольного воздуха, широкой деятельности, здоровой работы. В этом есть что-то родственное «хождению в народ» русских интеллигентов. Недаром у всех нас на глазах деятельность А. М. Добролюбова, да и не одного его, и этот пример ярко указывает на то, что движение русского символизма к реализму началось с давних пор, чуть ли не с самого зарождения русского символизма. Я думаю, что характерны для этого движения и деятельность «Нового Пути», и «религиозно-философских собраний» (так потускневших теперь), и ход творчества многих писателей-символистов: Д. С. Мережковского, который прошел этот путь от «Вечных Спутников» до «Грядущего Хама»; Н. М. Минского, который оставил когда-то «гражданские» стихи для новой поэзии («Я песни старые бросаю, молитвы новые пою, Тебе далекой гимн слагаю, Тебя

свободную любовь»), а в последние годы опять возвратился к «общественности» и в стихах, и в философских статьях; К. Д. Бальмонта, который, написав книгу «Будем как солнце», одно из величайших творений русского символизма, – ищет «славянской свирели» и стремится к большей и большей простоте; Валерия Брюсова, который от «журчащей Годавери» и от книг, которые были «краше роз», дошел широким путем до «современности» и «повседневности»... Словом, движение русского символизма к реализму и полное несходство его, в этом отношении, с западным, – уже представляют общее место. Современные символисты ищут простоты, того ветра, который так любил покойный Коневской, здорового труда и вольных душ. Это обещает молодость – и в этом заключается лучшая и истинная сторона дела, встреча символистов с реалистами. Строить по этому поводу какие-нибудь теории и предположения, мне кажется, бесплодно, потому что здоровый факт – налицо.

По всем этим причинам, я думаю, что взаимное сочувствие, которое выражают друг другу бывшие «реалисты» и бывшие «декаденты», – не имеет ничего общего ни с «мистическим анархизмом», ни с «мистическим реализмом», ни с «соборным индивидуализмом». Не имеет уже по тому одному, что эти немецкие сочетания не выражают собою ровно ничего; неудачные статьи Георгия Чулкова и Модеста Гофмана, которыми «философия» указанных слов (кроме «мистического реализма») и исчерпывается, – еще не создают

теории. Я думаю, что писателей с такими кличками и вообще не может существовать, и потому этими кличками вовсе не исчерпываются суждения даже о самих авторах их – Георгии Чулкове и Модесте Гофмане. Что же касается «мистического реализма», то и это крылатое слово, кажется, даже не имеет автора.

Названий, подобных указанным, развелось в наше время очень много. Под эти названия стараются часто натащить писателей, как в участок, – «для порядку», или чтобы «не ходили несчитанные», как в одной сказочке Ф. Сологуба. Чрезвычайное размножение подобных названий я готов объяснить только тщательной культурой их со стороны критики. Так например, критический отдел летних номеров «Весов» чуть ли не сплошь посвящен остоумнейшему высмеиванию и злостному гонению «мистического анархизма». Талантливые русские писатели уже поставили крест на «мистическом анархизме», а теперь не хватает даже материала, потому что «мистико-анархические» вылазки почти прекратились. За неимением материала, некоторые критики прибегают к совсем нежелательным приемам: принимают того или иного писателя за «мистического анархиста» и под этим названием изобличают его (это относится, например, к Андрею Белому); или же, справедливо разнеся в пух и прах теорию, принимают за представителя этой теории и поносят его (это относится, особенно, к Антону Крайнему и Товарищу Герману); последний, например, в № 5 «Весов», в статье

«Трихина» – о журнале «Перевал» говорит, что «надо уважать человека», если даже дела его – «сплошное убожество»; а через три страницы – сообщает сведения об одном человеке, основанные, надо полагать, на личном знакомстве, а на голову другого – выливает ведро помоев. Ведь это же о человеке, а не о писателе Вы говорите, Товарищ Герман!

Право, если обращать столь лестное внимание на новейшие теории, то их расплодятся десятки. Если же все мы признаем в один прекрасный день, что эти термины – пустые слова, то они и умрут мгновенно, как все неудачные слова.

1907